

Фильченко Андрей Петрович

кандидат юридических наук, доцент,
докторант Академии Федеральной службы
исполнения наказаний (г. Рязань)
dom-hors@mail.ru

АМНИСТИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация:

Статья предлагает авторский взгляд на проблему амнистии как условно нереабилитирующего основания прекращения уголовного преследования. Основываясь на историческом опыте, приводя современные как материальные, так и процессуальные теоретические и законодательно-технические аргументы, автор обосновывает, что амнистия имеет компромиссную природу и не всегда может быть связана с действительным отношением уголовной ответственности.

Ключевые слова:

амнистия, нереабилитирующее основание, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, уголовное правоотношение.

Filchenko Andrey Petrovich

PhD in Law, Assistant Professor,
D.Phil. applicant of the Academy of Federal Service
for the Execution of Sentences (Russia, Ryazan)
dom-hors@mail.ru

AMNESTY AS A BASIS OF THE TERMINATION OF THE CRIMINAL LIABILITY

Summary:

The article presents the author's opinion on the amnesty as a conditionally non-exonerated reason for the criminal prosecution termination. Basing upon the historical experience, and adducing contemporary cases study and procedural theoretical and legislative arguments, the author proves that the amnesty is of compromise nature, and not always relevant to the valid criminal liability matter.

Keywords:

amnesty, non-exonerated reason, termination of criminal prosecution, relief from criminal responsibility, criminal matter.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в п. 3 ч. 1 ст. 27 устанавливает, что уголовное преследование в отношении лица может быть прекращено вследствие акта об амнистии. При этом о характере как данного, так и других оснований законодательство умалчивает, оставляя прерогативу определять его значение теории. Исследование амнистии в контексте ее связи с отношением уголовной ответственности указывает на причины, позволяющие считать амнистию основанием условно-нереабилитирующим.

Юридически, нереабилитирующий характер данного основания подтверждается двумя основными (материальным и процессуальным) аргументами.

Во-первых, на это указывает правило, закрепленное ч. 2 ст. 84 УК РФ «Амнистия», согласно которому акт об амнистии адресуется только тем лицам, которые совершили преступления, то есть тем, кто вступил в охранительные правоотношения уголовной ответственности с государством на законных основаниях. Другими словами, амнистия представляет собой результат правовых отношений, возникших между государством, на которое возложена функция уголовного преследования и лицами, обязанными в случае совершения преступления привлекаться, воспринимать и переносить меры уголовной ответственности в предусмотренных уголовным законом формах, видах и пределах.

Исторически амнистия всегда применялась к лицам, виновно совершившим общественно опасные деяния и подлежащими в связи с этим уголовному преследованию. В этом плане нельзя не согласиться с подходом к определению амнистии, которого придерживается А.Я. Гришко: «амнистия – акт милосердия высшей законодательной власти, применяемый к определенным категориям граждан, совершившим преступление» [1, с. 30].

Давая определение амнистии, С.И. Комарицкий рассматривал ее как нормативный акт органа высшей государственной власти, носящий исключительный характер. Говоря об исключительности, автор имел в виду то обстоятельство, что амнистия не устраняет наказуемости определенных деяний, а только допускает отказ от ее применения в отношении установленных категорий лиц [2, с. 7]. С данной позицией, однако оказались согласны не все ученые. Например, Л.В. Яковлева так критиковала высказанную точку зрения: «Представляется, что изъятие из общих правил наказуемости деяний происходит при применении любого вида досрочного освобождения от наказания или от его отбывания, и подчеркивать особый характер амнистий в этом аспекте неправильно» [3, с. 119]. Так или иначе, но прозвучавшая в решении Верховного суда РФ современная официальная позиция судебной власти в этом вопросе в большей степе-

ни явилась отражением первого теоретического подхода: «амнистия является проявлением гуманизма к лицам, совершившим преступление, и не отменяет ни приговор суда, ни уголовный закон, предусматривающий ответственность за те или иные преступления» [4, с. 5].

Акт амнистии является весьма специфическим правовым документом, особенности которого в первую очередь связаны с порядком действия такого акта во времени. Действие акта амнистии распространяется на деяния, совершенные до его издания. То есть он прекращает уже возникшие отношения уголовной ответственности, за исключением тех, которые всякий раз вызываются к жизни продолжаемым преступлением. По той же причине акт не распространяется на преступления, окончившиеся после его принятия. В учебной литературе по уголовному праву такой принцип действия совершенно справедливо определяется как несвойственный уголовным законам [5, т. 2, с. 280].

Во-вторых, применение амнистии не влечет за собой реабилитацию подвергаемого ей лица и не освобождает от обязанностей возмещения причиненного преступлением вреда. В соответствии с ч. 4 ст. 133 УПК РФ отмена или изменение использованных в отношении лица мер процессуального принуждения или постановленного обвинительного приговора ввиду издания акта об амнистии не создает основания для возникновения права на реабилитацию. Амнистированное лицо освобождается только от соответствующего воздействия меры уголовно-правового характера, но не от материальной ответственности.

Таким образом, каких-либо восстановительных мер амнистия не вызывает, и обращение к истории не позволяет найти какие-либо примеры обратного. Амнистирование никогда не влекло за собой вознаграждения за понесенную часть уголовного наказания, за ним не следовало возмещение утраченных прибылей, воскрешение неиспользованных прав и пр. По образному выражению П.И. Люблинского, «амнистия отсекает лишь все ограничения, которые имеют репрессивный характер, поскольку они могут влиять на будущее» [6, с. 4]. В данном случае вызывает интерес исторический пример применения французским королем «abolitions» (аболиции – прекращения судебного производства), которую последний мог предоставлять в любом объеме, внесением в нее исключения для отдельных лиц. Единственным ограничением этого права было ограждение прав третьих лиц на взыскание убытков. Так Bodin писал: «Государь не может претендовать на чужое добро или дарить его без согласия собственника; и при всех дарениях, милостях, пожалованиях, привилегиях и актах государя всегда подразумевается оговорка, даже если бы она не была выражена: насколько этим не задеты права третьих лиц» (*Six livres de la republique*. 1599. 1. I ch. IX) [7, с. 25]. Весьма показательным, что такое же положение дел сохранялось и при реализации института амнистии в эпоху царствования Елизаветы Петровны. В манифесте об амнистии виновных «в неисправлении должностей, непорядочных поступках и иных винах» от 15 июня 1744 г. напоминает о необходимости оградить интересы потерпевших от преступления: «токмо ежели по тем следствиям явится, кто из них с кого что взял из принуждения во взятку, или силою отнял, оное с тех людей обидимым возвратить» [8, с. 218]. Данное правило сохранилось при Екатерине II, манифесты об амнистиях которой предлагали смягчать наказание, но сохранять служебные и имущественные праволишения, и предписывали возмещать потерпевшим имущественный ущерб [9, с. 15].

Также и в Англии, в период, когда амнистия и помилование четко не разграничивались, право помилования не могло осуществляться с вредом для третьих лиц: «non potest rex gratiam facere cum injuria et damno aliorum» – «не может быть благодати короля с причинением страданий и вреда другим». Из этого положения вытекало и дальнейшее ограничение: помилование не могло быть применено к актам, приносящим общий вред, потому что оно может в данном случае повредить притязаниям частных лиц. В дополнение ко всему данные процедуры изначально освобождали исключительно от наказания, однако не снимали позора. Затем от этого ограничения сохранилась лишь фикция крови, в силу которой дети, родившиеся до помилования, теряли право на наследование, позднее было признано, что помилование должно распространяться на всех [10, с. 81–82].

Прямое указание на описанные положения можно найти и в действующем уголовном законодательстве зарубежных государств. Так, ч. (2) ст. 107 Уголовного кодекса Республики Молдова устанавливает правило, согласно которому амнистия не имеет последствий для мер безопасности и прав потерпевшего [11, с. 201].

Иногда это правило распространяется и на преступления, в которых отсутствует жертва или нет жесткой привязки к ней. Например, ст. 11 Закона Республики Беларусь от 22 ноября 2007 г. № 287-З «Об амнистии некоторых категорий лиц, совершивших преступления» (зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 23 ноября 2007 г. № 2/1384) закрепляет положение о том, что амнистия, предусмотренная настоящим Законом, не распространяется на лиц, которые на день рассмотрения материалов о применении амнистии полностью не возместили причиненный преступлениями вред (ущерб), подлежащий взысканию с них по вступившим в законную силу приговору или иному решению суда [12].

Среди высказываний отечественных современников достаточно привести короткое, но вместе с тем емкое выражение А.В. Наумова: «Амнистия – это не реабилитация, а акт милосердия» [13, с. 433].

Выше мы назвали прекращение уголовного преследования вследствие акта об амнистии условно-реабилитирующим основанием. На условность в характере основания нами было указано вследствие также двух основных аргументов.

Первый аргумент – наличие у лица права отказаться от освобождения от уголовной ответственности или изменения мер ее реализации по основанию амнистии. Это означает, что лицу, подлежащему амнистии, предоставляется возможность, с одной стороны, согласиться с данным основанием или же, с другой стороны, отказаться от прекращения уголовного преследования, если оно считает привлечение к уголовной ответственности незаконным, необоснованным или ошибочным. В последнем случае оно может использовать все средства доказывания своей невиновности.

В отечественном варианте законотворческой и правоприменительной практики отказ лица от амнистии является продуктом нормативного регулирования источников дореволюционного законодательства. Право отказа от прекращения следствия впервые было предоставлено Манифестом Николая I от 22 августа 1826 г. как указывалось в документе: «Само собою разумеется, что сим не затрагиваются средства законного пред судом оправдания тем из подсудимых, кои, по убеждению в невинности своей, сами пожелают такого оправдания». Хотя исхода на случай осуждения таких лиц в манифесте предусмотрено не было [14, с. 233]. Позднее манифестом Александра II от 27 марта 1855 г. право отказа было ограничено во времени – находящиеся под следствием и судом лица, могли воспользоваться им в течение месяца и, в случае осуждения, уже не могли подлежать прощению [15, с. 237].

Исторически возникшее у обвиняемого право отказаться от амнистии в полном объеме воспринято современным правом. В соответствии с решением Президиума Верховного суда РФ уголовное дело не может быть прекращено вследствие акта амнистии, если обвиняемый против этого возражает [16, с. 19]. В этих случаях производство по делу продолжается в обычном порядке, поэтому прежде чем принимать решение или выносить соответствующее постановление о прекращении уголовного преследования по рассматриваемому пункту, уполномоченному процессуальному субъекту необходимо получить письменное согласие на это обвиняемого. В противном случае, как показывает судебная практика, вынесенные постановления отменяются.

Второй аргумент исходит из норм, регулирующих применение амнистии. Таковые на сегодняшний день не связывают ее обоснованность с признанием или непризнанием обвиняемым своей вины. Таким образом, виновность (невиновность) в совершенном преступлении не имеет принципиального значения для решения вопроса о прекращении уголовного преследования. На это указывал в своем решении и Верховный суд РФ, согласившийся, что кассационная инстанция обоснованно прекратила уголовное дело, применив в отношении виновного постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [17, с. 17]. Другими словами, для применения акта об амнистии достаточно юридической истины, зафиксированной в процессуальных документах. Поэтому данный механизм может включиться и в условиях фактической невиновности, непричастности лица к совершенному преступлению, но согласившегося с нереабилитирующим характером прекращения уголовного преследования.

Подводя итоги вышеизложенному, полагаем возможным остановиться на ряде имеющих существенное теоретическое значение положениях. Итак, юридически амнистия представляет собой нереабилитирующее основание прекращения уголовного преследования. Фактически амнистирование лица, подвергнутого мерам процессуального или уголовно-правового принуждения, не всегда свидетельствует о наличии действительного отношения уголовной ответственности, поскольку связано не столько с виновностью обвиняемого или осужденного в совершении преступления, сколько с его согласием на персональное применение данного акта. И в этом смысле амнистия является условно-нереабилитирующим, имеющим компромиссную природу, основанием прекращения уголовного преследования.

В случае возникновения действительного отношения уголовной ответственности амнистия всегда выступает нереабилитирующим основанием его прекращения. Как следует из законодательной формулировки с ч. 2 ст. 84 УК РФ актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. В свете вышеизложенного позволим себе утверждать, что нереабилитирующий характер рассматриваемого основания включает возможность освобождения лица от уголовной ответственности, поскольку последняя уже возникла в виде правоотношения. Освобождение от уголовной ответственности может

наступить только по реабилитирующему основанию. В случае если лицо совершило преступление, оно подлежит уголовной ответственности, однако отношения уголовной ответственности могут быть прекращены по нереабилитирующему основанию. Таким образом, в случае амнистии скорее следует говорить не об освобождении лица от уголовной ответственности, но считать его свободным от применения мер, в которых она реализуется. Другими словами, при амнистии ответственность наступает, но не реализуется или ее реализация прекращается.

Ссылки:

1. Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А.Я. Гришко, А.М. Потапов. М., 2009.
2. Комарицкий С.И. Эффективность освобождения из исправительно-трудовых учреждений по амнистии. М., 1982.
3. Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве. М., 2002.
4. Бюллетень Верховного суда РФ. 2001. № 1.
5. Курс уголовного права. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Н.М. Тяжковой. М. 2002.
6. Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. Одесса, 1907.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003.
12. Республика. 2007. 28 ноября. № 223 (4402).
13. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. М., 2004. Т. I. Общая часть.
14. Люблинский П.И. Указ соч.
15. Там же.
16. Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 2.
17. Бюллетень Верховного суда РФ. 2001. № 3.

References (transliterated):

1. Grishko A.Y. Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost' / A.Y. Grishko, A.M. Potapov. M., 2009.
2. Komaritskiy S.I. Effektivnost' osvobozhdeniya iz ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy po amnistii. M., 1982.
3. Yakovleva L.V. Institut osvobozhdeniya ot nakazaniy v rossiyskom prave. M., 2002.
4. Byulleten' Verkhovnogo suda RF. 2001. № 1.
5. Kurs ugovornogo prava. Obshchaya chast': textbook / eds. by N.F. Kuznetsova, N.M. Tyazhkova. M. 2002.
6. Lyublinskiy P.I. Pravo amnistii: istoriko-dogmaticheskoe i politicheskoe issledovanie. Odessa, 1907.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ugolovniy kodeks Respubliki Moldova. SPb., 2003.
12. Respublika. 2007. November 28. № 223 (4402).
13. Naumov A.V. Rossiyskoe ugovornoe pravo: kurs lektsiy: in 2 vols. M., 2004. Vol. I. Obshchaya chast'.
14. Lyublinskiy P.I. Op. cit.
15. Ibid.
16. Byulleten' Verkhovnogo suda RF. 1999. № 2.
17. Byulleten' Verkhovnogo suda RF. 2001. № 3.